

Эдуард ЛИМОНОВ

Листки из журналистского блокнота

КОГДА ИДУ Я ПО АРБАТУ

19 июня. Раннее утро. На пикетировании фонда Горбачева. Два лейтенанта милиции приехали первыми, вышли не спеша из машины, оглядели лозунги и пикетчиков («Горби — холуй Буша и К». Преступника к суду!), «Лжедемократы — вон из России! Вы украли у народа все: страну, землю, телерадио, у детей — хлеб, молоко!»). Неохотно потребовали разойтись. Когда назавтра — Петровым Сергеем Петровичем пикетчик объяснил им, что разрешение на пикетирование нет, но фонд Горбачева — не государственное учреждение, потому разрешение не требуется, лейтенанты расслабились, может быть, и не поверив. Расслабившись, они разговорились. Особенно сочувствия они не показывали, но тот, кто постарше, с расшлепанным носом-картошкой, изрек удивительно мудрую фразу, привожу дословно: «Когда начинается революция, тогда каждый выбирает, кому ему служить — народу или закону». Я вторгся в беседу. Я сказал: «Вот я вчера был в Останкине. Такое впечатление, что революция уже началась». Лейтенант задумался: «Не... Нет еще...» И ушел к машине звонить по рации, очевидно, проверять, нужно ли разрешение на пикетирование частной организации.

20 июня поздно, ближе к полуночи, оказался на Красной площади, привлеченный скрежетом и воплями, раздражающими воздух, прищипывая с Тверской. На гигантской сцене перед Историческим музеем (строение размером с шестиэтажный дом) орет некто, кажется, девушка: «Не плачь, бэйби, бэйби, не плачь!» От сверхмощных усилителей содрогается брусчатка площади, звук ударяет в диафрагму под живот. Бродят люди, подавляющее большинство с ошалелыми лицами. Даже иностранные туристы шокированы... Оказалось, идет репетиция рок-концерта, который состоится ночью 22 июня. «Не плачь, бэйби, бэйби, не плачь!» Рок-ролл отрицать бессмысленно, я сам посетил за свою жизнь с сотню рок-концертов, был даже приятелем нескольких известных американских рокеров, но на Красной площади?! Есть для этого стадионы, зал Лужников. Ничтожная музыка на священной площади страны — агрессия против символа государственности, против старых камней, ведь расшатывают их тысячи децибелов... Французы никогда не устроят рок-концерт у Дома инвалидов, где помещается музей армии, у гробницы великого Наполеона...

А исполнители, что же, совсем безмозглые орудия чего-то замысла? После освобождения Франции от оккупантов французы стригли наголо девок, гулявших с немцами. Тех, кто на Красной площади выл, той самой, где праздновали Победу, за которую заплачено 20 миллионами наших жизней, тех стричь мало... Шакалы...

Начало июля. Стою в очереди в кассу в булочной на Бутырской улице. Еду в Приднестровье с Киевского вокзала. Зашел купить хлеба в дорогу. Впереди меня старуха (чистая, седая голова, в светлой чистой кофте) долго пересчитывает рубли и тройки трясушимися руками. Снова и снова.

Моложавый старик (белая кепка, седые волосы из-под кепки, костюм с чужого, явно сыновнего плеча, брюки слишком длинные, кошелка из ивовых прутьев в руке), оборачиваясь: «Что мать, передать боишься?»

Старуха, должно быть, не расслышав, спокойно: «Я черный беру. От белого меня давно отучили».

Старик: «Только на хлеб один уходит целая зарплата, ей-Богу... Если взрослому мужчине нужно полбуханки... (не слышно)... получается в месяц на семью нужно... 600 рублей только на хлеб?»

Старуха (очень спокойно) закрывает старый кошелек: «К весне умирать буду...» Обернувшись, смотрит на меня. Поясняет: «К весне следующего года».

Очередь молчаливая, но немрачная, даже вперек гудят июльский, заверчивая с улицы в магазин. От кассы все идут получать хлеб. Прослеживается железная закономерная связь между возрастом и покупаемым хлебом. Люди помоложе покупают хлеб белый, дорогой. Старики все больше берут четвертушки и половинки черного. Российское новое общество осуществляет хладнокровный геноцид своих стариков. Стоит жара... Выхожу, и асфальт мягкий под ботинками, иду к метро, размышляя: «Старуха спокойно приготовилась умереть к весне. А что, смерть освобождает от унижений...»

На Старом Арбате откормленные молодые люди призывного возраста торгуют мундирами, шинелями, фу-

ражками, знаменами великой армии. Продают регалии славы отцов, делов и прадедов: ордена, медали, эмблемы. Спекулируют историей. Флотский мундир — 3000 рублей. Футболки с надписью КГБ и цитом и мечом — эмблемой некогда могущественной организации — 800 рублей... Мясомассы, плечистые, накачанные, накормленные, красномордые, хлебуют ребятки-дезертиры, сидя у лотков с награбленным, немецкое пиво из бутылки. Мародеры. Мародеры, обистившие стариков, они спекулируют на том, что создали и осыпали своей кровью предыдущие поколения. С полей нашей славы свезли на Старый Арбат награбленное — мародеры.

тов и прилетите очистить столицу от мародеров?

Поучительна поездка через Украину на поезде Одесса — Москва. Поезд идет добрых 17—18 часов по территории ныне чужого, еще не враждебного, но совсем не дружественного государства. Это чувствуешь кожей. Молчаливо угрожающая обстановка на разомлевших от жары пустых станциях. На всех вокзалах, запущенных, грязных, новенькие гербы нового государства. Физически пугает тот факт, что географически наша русская граница передвинулась так близко к Москве. От Брянщины к Москве всего каких-то шесть часов не очень быстрым этим

ленных на защиту национальных интересов в Приднестровье, Крыму и других регионах, могут осуществить свои мечты в рядах **Украинской народной самообороны**. Запись добровольцев ежедневно с 14 до 20 часов по адресу: г. Киев, переулок Музейный, 8; г. Винница (следует адрес)... КОМАНДА УНСО». Я вспомнил, что в июне (18-го?) боевики Украинской национальной ассамблеи (это именно они УНСО) в количестве 80 человек напали на Киево-Печерскую лавру. Пострадали тогда 16 священнослужителей и прихожан. Сегодня «осуществить свои мечты» для «физически здоровых мужчин без комплексов» на территории Украины несложно. Некоторые запреты, ограничивающие действия подобных мечтательных мужчин, еще существуют, но их все меньше. Пока Российское демократическое телевидение и пресса эйфорически освещают встречи все более игривых и самодовольных, уверенных властью Кравчука и Ельцина, убаюкивая себя и общественное мнение России тем, что все спокойно на Украине, на деле там идет необратимый процесс все большего отравления украинцев ядом агрессивного национализма. Повторяется случившееся в Хорватии. Я знаю, о чем говорю. Я был в Югославии «до» (в 1989 г.) и «после», в 1991 г., уже на фронте.

В Москве товарищи с Украины передали мне толстый пакет газет и журналов. Экстремистские националистические издания. «Замкова гора», «Украинские обрії», «Наш клич», «Нескорена нація», «Националістична Україна», «Вісти»... Когда-нибудь эти издания будут разыскивать наши потомки, попытаются разобраться, как же начались гражданская война на Украине и кровавый затяжной конфликт между Украиной и Россией. Им нетрудно будет отыскать начало, первые подземные толчки гражданской войны вот в таких, например, строках: «Московский народ всегда был диким племенем, которое никогда не имело своей культуры, а крало ее у других, всегда было общиной неполноценных варваров» («Националістична Україна», № 1, 1991 г.). Или вот в таком призыве к инстинкту, воистину «мужчины без комплексов» сочинили этот призыв: «Задача наших организаций, нашего народа заключается не столько в том, чтобы добыть независимость, а сколько в том, чтобы добыть Россию в том виде, в котором она существует сейчас... Деятельность наших организаций должна быть перенесена на территорию противника... До того, пока Россия будет существовать в том размере, в каком она сейчас существует, пока она не будет возвращена к границам времен Ивана III, до тех пор о реальной независимости не может быть и речи». («Вісти», № 6, 1991 г.)

Продолжая рыться «в сегодняшнем окаменевшем», наши потомки не смогут не заметить (увы, этого не хочет замечать демократически настроенный обыватель в России, и даже его обрат-обыватель на Украине) явный, безостановочный «прогресс» в процессе отравления сознания украинцев националистическим ядом. В своем первом номере за 1992 г. «Замкова гора» переходит от призывов к делу, дает уже подробный реперт изготвления напалма в домашних условиях (сопровождающая его рисунками), а также способы его применения с максимальным эффектом для разрушения строений и уничтожения людей. В этом же номере объявлено о создании структур УНСО. А 18 июня отряд в 80 человек напал на Киево-Печерскую лавру. Потомки поймут, что в 1992 г. доселе пребывавшие в инкубационном периоде (доселе запеленутые в коконы малотиражных публикаций) экстремистские украинские националистические идеи сделались доступны широкой публике. Вожди УНА и УНСО стали получать доступ на центральное радио и телевидение Украины.

Умудренные куда большим опытом, чем мы, потомки будут много циничнее нас и потому пожмут плечами и констатируют: «Да, все к концу 1992 г. было готово для гражданской войны на Украине».

Москва буйно заросла деревьями и всякой зеленью, как зарастают оставленные жителями города. Рано утром блуждаю в районе Ленинского проспекта. Отсюда, с улицы Марии Ульяновой, уезжал я за границу восемнадцать лет тому назад. На соседней улице, Крупской, в парковой полосе скульптура Ленина и Крупской залита белой краской. Но у ног их все же свежие цветы.

Вместо рецензии

«Дорогой Валентин Васильевич, прошу прощения, что так долго не писал для газеты. Посылаю вам две вещи: «Когда иду я по Арбату...» и «Дачники». По Приднестровью у вас идут отличные материалы и без меня! Прощаю вечная и всегдашняя — не сокращайте. Особенно оставьте мне...» — Вот уже третий год такие записочки с радостью вынимаю из пакетов от Эдуарда Лимонова. На этот раз с оканчивающейся и долгожданной книжечкой со статьями и эссе, изданная литературно-художественным журналом «Глагол».

Из трех десятков вещей, как говорит Эдуард, добрая дюжина опубликовалась в «Советской России». От «Чадаевщины» и «Стукачества...» до «Кратчайшей дороги в ад». Книга — не хронологическое накопление работ, логикой писательской мысли она выстроена как четкая анатомия нынешнего российского общества, перед нами разъята «Душа Ивана

Иванова при переходе от социализма». В недвусмысленных проявлениях, как вышло, Эдуард Лимонов — либеральная полемическая шпага, либеральная застенчивость в раздумье: «А здесь, в книге, видишь Гражданина! По разным мотивам личности в истории удостоиваются имени великого гражданина, сына Отечества. Лимонов, я уверен, заслужил его по крайней мере двумя достоинствами: страждущей прозорливостью своих сыновних чувств и бесстрашием своей правды, которую он хочет донести до соотечественников. Со страниц книги это предстает самым убедительным образом».

На красном экране обложки — Эдуард Лимонов в солдатской шинели с погонами СА; на обороте — серп и молот на красном поле. Книга хочет сказать нам, что Лимонов сражается за Отечество трудящихся.

В. ЧИКИН.

Смотрите

Воскресенье, 13 сентября, I канал Останкина, 12.05. Встреча с писателем Э. Лимоновым.

В установившемся на российской земле «цивилизованном обществе» тот, кто моложе и мясистее, у кого толстая и розовая шея, брвна-руки и голова, способная к нехитрым комбинациям обмана ближнего, тот и господин, тот и пан. Честные люди, старые люди, наивные «патриоты», те, для кого Честь, Родина, Государство, Россия — слова священные, — все они в 1992 г. в Москве есть ундер-менши, недолуды. Эти краснощеие дезертиры и мародеры есть супермены нового общества. Проходя меж лотков с выставленными на продажу реликвиями нашей национальной славы, наблюдая бесстыдные, упитанные будки спекулянт-мародеров, я бормочу всегда одни и те же строки, они сами придумались мне: «Когда иду я по Арбату / Мне хочется иметь гранату...»

В Приднестровье, на фронте в Бендерах, в окопах между Григориополем и Дубоссарами, на позициях на Дубоссарской ГЭС — тоже молодые люди, 20—25 лет. Но какой контраст с арбатской сволочью! Из Ленинграда, из Одессы, из Москвы, с Кубани и Терека и из Сибири приехали в Приднестровье самые смелые. Привет вам, ребята с передового поста в здании общежития на Первомайской улице в Бендерах, привет вам, ребята из отряда старшего лейтенанта Кириллова, привет вам, терские казаки есаула Колонтаева, державшие позицию на дороге на Кошницу, привет тебе, Саша Косапчук в Бендерах, привет тебе, Андрей, лейтенант-разведчик из Ленинграда... У вас там пока перемирие. Можете, загрузитесь в пару военных самолё-

поездом. Меньше суток, если вдуматься, для чужих танков. Но, похабная, торгует столица знаками военной доблести, словно они ей не понадобятся...

Но понадобятся... И очень скоро! Вышел на станции, почему-то остановился поезд, хотя не должен бы. Мелкая станция. Туалет «М» и «Ж». Полинявший киоск «Соки-воды» закрыт. Слоняются солдат с прапорщиком без головных уборов. Кажется, податые. Посередине асфальтовой площадки присели два пассажира нашего поезда — голые до пояса, в шортах и шлепанцах. Еще один, в тренировочных брюках, подошел, присел на корточки. Сидят, как три курицы. На облупленном киоске «Соки-воды» — плакаты. Чтобы убить время, вчитался. Благо хорошо знаю украинский, без проблем, в русской школе в Харькове со второго класса заставляли учить. В украинские школы родители детей отдавать не хотели: считалось, провинциальным ребенком вырастет. Верхняя часть плаката сорвана, но все понятно и по остатку текста. Списываю аккурратно, переводя: «...3. Нары всех заговорщиков Крыма. 4. Введение в Крым президентского правления. 5. Крыму — статус района Херсонской области. Мы требуем от президента дать сигнал к крестовому походу на Крым! Сбор в 9.00... (следует адрес) Мы победим! Украинская национальная ассамблея».

Рядом еще плакат. «ВНИМАНИЕ! Физически здоровые мужчины, без лишних психологических комплексов, те, которые желают принять участие в действиях, направ-